

П. ОТМАХОВ

*кандидат экономических наук,
доцент экономического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова*

РАЦИОНАЛИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

На протяжении всей истории экономической науки отчетливо прослеживаются две методологические традиции, которые временами находят компромисс друг с другом, но чаще сталкиваются в противоречии – рационализм и эмпиризм. Согласно первой из них, путь к истине лежит через разум, в соответствии со второй источником подлинного знания служит опыт.

Долгое время экономическая методология развивалась в русле рационализма. Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэй, Д. Кернс, Н. Сениор, ранние маржиналисты Л. Роббинс, Ф. Найт и др. больше полагались на доводы логики, чем на систематические наблюдения и эмпирические тесты. Впрочем, и средств для опытной проверки теории в современном понимании у них не было. Однако после второй мировой войны рационализм был практически полностью вытеснен эмпиризмом. С одной стороны, это было связано с господством философской доктрины неопозитивизма и ее установкой на четкое разграничение между метафизикой и основанными на фактах выводами науки; в соответствии с идеалом научности того периода назвать теорию умозрительной или спекулятивной, значило автоматически отказать ей в содержательности. С другой стороны, появление эконометрики открыло перед экономистами возможность соотнести свои абстрактные построения с фактическими данными и наполнить их конкретным содержанием.

В 50–60-е годы эмпирический характер экономической науки стал предметом особой гордости ее представителей. Он воспринимался как показатель зрелости, выгодно отличающий экономическую теорию от других общественных дисциплин и сближающий ее с самыми продвинутыми отраслями естествознания. Наиболее авторитетные лидеры научного сообщества несмотря на свои теоретические разногласия сходились на том, что только опыт, а не умозрительные рассуждения решает судьбу теории. Об этом в один голос говорили и П. Самуэльсон, и его оппонент М. Фридмен, а М. Алле как о чем-то само собой разумеющемся и не требующем пространного обоснования писал:

“Теория, которая не может быть сопоставлена с фактами или не может быть проверена количественно с помощью данных наблюдения, в действительности лишена всякой научной ценности”¹.

Но с середины 70-х годов ситуация начинает меняться. Совпавшие по времени окончательное разложение неопозитивизма и кризис экономической науки, проявившийся в неспособности уберечь капитализм от самых серьезных со времен Великой депрессии потрясений, заставили научное сообщество усомниться в возможности получения достоверного знания с помощью общепринятой эмпирической методологии. Оказалось, что у эмпиристов нет адекватного аналитического инструментария не только для доказательства истинности теорий на основе фактов, но и для опровержения ложных концепций².

Современное возрождение радикального рационализма ассоциируется в первую очередь с работами теоретиков неонавстрийской школы – Л. фон Мизеса и его более молодыми последователями, такими, как Ф. фон Хайек, М. Ротбард, И. Кирцнер, Д. О’Дрисколл, М. Риццо, и другими, всегда находившимися в оппозиции к эмпиризму. Однако сегодня их методология поддерживается представителями и других неортодоксальных направлений экономической науки, в частности, посткейнсианцами и неомарксистами. Это позволяет говорить о формировании новой, альтернативной эмпиризму методологической доктрины, которая требует осмысления. В настоящей статье мы рассмотрим, каким образом рационализм обосновывает свою методологию, а затем обратимся к ее воплощению в реальной исследовательской практике.

Рационализм: теория

Тупик, в который зашел эмпиризм, стал исходным пунктом для современного возрождения рационализма (или априоризма)³. Безуспешные попытки создания работоспособного механизма реализации принципов эмпиризма в экономической науке заставили многих ученых в поисках альтернативы обратиться к рационалистской концепции метода. Ее наиболее радикальная версия была изложена Л. фон Мизесом в его работах “Эпистемологические проблемы экономической науки” (1933), “Человеческое действие” (1949), “Конечные основания экономической науки” (1962)⁴.

Мизес и его последователи убеждены, что эмпиризм – ущербная доктрина. Не желая принимать в расчет ничего, кроме данных чувственного опыта, эмпирист добровольно отказывается от такого мощного инструмента познания, как собственный разум. Ведь и животные обладают способностью к ощущению – часто более совершен-

---

¹ Алле М. Экономика как наука. М., 1995, с. 67.

² Более подробно см.: Отмахов П. Эмпиризм в экономической науке: теория и практика. – Вопросы экономики, 1989, № 4, с. 58–72.

³ От лат. *a priori* – до опыта.

⁴ Von Mises L. *Epistemological Problems of Economics*. N.Y., 1981.; Von Mises L. *Human Action: A Treatise on Economics*, 3rd ed., Chicago, 1963; Von Mises L. *The Ultimate Foundation of Economic Science*, 2nd ed., Kansas City, 1978.

ной, чем люди – однако они не строят философских концепций и не выдвигают научных теорий, поскольку лишены того, чем наделен человек, а именно разума. Значит, именно благодаря специфической для человека способности мыслить перед ним открывается правда о внешнем мире. Поэтому, утверждают радикальные рационалисты, путь к истине лежит не через чувственный опыт, находящий отражение в эмпирической проверке, а через разум, воплощающийся в логике теории.

Отсюда следует, что вся кропотливая разработка утонченных способов проверки теории, которой эмпиристы занимались на протяжении полувека, была заведомо напрасной тратой времени и сил. В эмпирической проверке теория не нуждается. Связь между теорией и опытом, разумеется, существует, но вовсе не такая, какой ее представляют эмпиристы. Подобно логике и математике экономическая наука базируется на нескольких аксиомах (в частности, наличие причинно-следственных связей и рациональность поведения хозяйственного субъекта), из которых дедуктивным путем выводятся все ее “теоремы”. Конкретные данные не только не в силах опровергнуть теорию, коль скоро ее истинность гарантирована логикой выведения из априорно истинных положений (аксиом); но сами факты подлежат интерпретации на основе теории. Мизес пишет: “Если обнаруживается противоречие между теорией и опытом, мы всегда должны предполагать, что не выполнены условия, принятые теорией, или в наши наблюдения вкралась какая-то ошибка”. Следовательно, “никакой опыт никогда не может заставить нас опровергнуть или модифицировать априорные теоремы”⁵. И более того: “Экономист строит свои концепции не на исторических исследованиях... Напротив, экономическая история нуждается в интерпретации посредством теорий, разрабатываемых экономической наукой”⁶.

Противники априоризма охотно цитируют подобные высказывания Мизеса, считая их очень удобными для критики и наглядно демонстрирующими, до какого абсурда может дойти радикальный рационализм. Так, М. Блауг, не снисходя до дискуссии по существу, замечает мимоходом: “В 1920-х годах Мизес внес огромный вклад в теорию денег, теорию циклов и, конечно же, в экономическую теорию социализма, но его последующие писания об основаниях экономической науки настолько чудны и идиосинкразичны, что можно только удивляться как хотя бы кто-то воспринимает их всерьез”⁷.

Возможно, столь пренебрежительное отношение к позиции оппонентов и было бы до определенной степени оправдано, если бы эмпиристы могли предоставить весомые доказательства логической безупречности и практической работоспособности собственной методологии. Но поскольку их нет, имеет смысл прислушаться к доводам Мизеса, с помощью которых он аргументирует свою позицию. Особенно здесь важны четыре момента.

Характер экономической теории как научной дисциплины и ее место в ряду других наук. Трактовка природы экономической науки,

⁵ Von Mises L. Epistemological Problems of Economics, p. 30.

⁶ Фон Мизес Л. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки. – THESIS, 1994, № 4, с. 205.

⁷ Blaug M. The Methodology of Economics. Cambridge, 1990, p. 93.

предлагаемая рационалистами, в корне отличается от той, которую дают эмпиристы. Скажем, по мнению М. Алле, основная задача экономиста сводится к опытной проверке исходных гипотез и конечных выводов теории, а цепь умозаключений, связывающая эти части научной концепции, сама по себе “не имеет какой-либо ценности”⁸. Однако, согласно Мизесу, именно в процессе логической дедукции и состоит вся суть работы экономиста, который получает свои выводы не из непосредственного наблюдения, а из “теоретического мышления, сходного с логическим или математическим”⁹, и поэтому он “может, невзирая на ухмылки недоброжелателей, успешно трудиться за письменным столом, как это делают логики и математики”¹⁰.

Такой взгляд на характер экономической теории как научной дисциплины достаточно обоснован. Ученый, если он претендует на создание теорий и открытие законов, а не ограничивается простым описанием явлений, обязан вскрыть причинно-следственные связи между ними. Но эмпирические наблюдения их не улавливают, поскольку опыт обладает сложной природой и является результатом одновременного действия различных сил. “Мы можем “наблюдать”, – пишет Мизес – лишь сложные и комплексные явления. Экономическая история, опыт или наблюдения могут сообщить нам только такие факты, как: “В течение определенного периода в прошлом шахтер Джон, работавший в шахте компании *S* в рабочем поселке *U*, зарабатывал *p* долларов за рабочий день продолжительностью *n* часов. Не существует пути, который мог бы привести от сбора подобных данных к созданию теории, рассматривающей, скажем, факторы, определяющие величину ставок заработной платы”¹¹. Действительно, что лежит в основе зарплаты шахтера Джона и всех других рабочих – минимум средств существования, как считали классики, стоимость товара рабочая сила, как полагают марксисты, или предельная производительность труда, как утверждают маржиналисты? Опыт не дает ответа. Следовательно, экономический закон невозможно получить путем индуктивного обобщения конкретных данных, его необходимо вывести дедуктивным способом.

Именно так поступают логики и математики. Когда математик утверждает, что сумма квадратов катетов прямоугольного треугольника равна квадрату гипотенузы, он не проводит измерения всех существующих на Земле прямоугольных треугольников, а выводит свое заключение посредством логической дедукции. По той же схеме должны действовать и экономисты. Тезис о том, что прибыль максимизируется в случае равенства предельного дохода, предельных издержек, средних издержек и цены ($MR=MC=AC=P$), обосновывается не эмпирическим наблюдением за бесконечным множеством конкретных фирм, а логикой выведения из условия свободной конкуренции. Так как закон конкурентного ценообразования получен без непосредственного обращения к наблюдению, он в подлинном смысле слова носит априорно-истинный характер.

---

⁸ Алле М. Экономика как наука. с. 94.

⁹ Фон Мизес Л. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки, с. 205.

¹⁰ Там же, с. 209.

¹¹ Там же, с. 206.

Значение и смысл эмпирической проверки. Если указанная точка зрения на природу экономической теории верна, то совершенно ясно, что ее судьба не может решаться на основе опыта. Когда историки или естествоиспытатели, сформировавшие свои концепции путем обобщения эмпирического материала, обнаруживают конфликт между теорией и опытом, они должны изменить теорию. Однако логикам, математикам и экономистам, оказавшимся в сходной ситуации, надлежит искать ошибку в фактах. И действительно, если мы к двум яблокам прибавим еще два и в результате вдруг получим три, то надо выяснить, где затерялось четвертое яблоко, а не подвергать сомнению, что дважды два – четыре. Подобным же образом, тот факт, что цена продукции конкретной фирмы (нескольких фирм или даже всех фирм) превысила предельные издержки, указывает на высокую степень монополизации экономики в момент наблюдения, однако логического вывода о равенстве цены предельным издержкам в условиях свободной конкуренции никак не затрагивает. Это и имеет в виду Мизес, заявляя, что опыт не в силах опровергнуть “априорные теоремы”. Следовательно, смысл и значение эмпирической проверки состоят не более, чем в определении границ применимости абстрактной теории к конкретной ситуации, но ни в коем случае не во внесении корректив в сами “априорные теоремы”.

С тем, что теоретические положения аналогично категориям логики и математическим теоремам не подлежат подтверждению или опровержению конкретными данными, эмпиристы обычно не спорят, но задают рационалистам вопрос: а какой смысл в логических выкладках, если они отгорожены от фактов “китайской стеной”? Создается впечатление, что доктрина Мизеса способна оправдать самое невероятное умозрительное построение с помощью простой ссылки на невыполнение принятых им допущений в момент наблюдения. Выходит, “если факты противоречат теории, тем хуже для фактов”. Но тогда “априорные теоремы” экономической науки утрачивают всякую связь с действительностью и превращаются в чистую игру ума, практическое значение которых непонятно.

Методологический статус “априорных теорем” экономики и их соотношение с реальной действительностью. Часть ответа на поставленный вопрос состоит в том, что, согласно позитивистской традиции в философии, которой и сегодня придерживаются многие ученые, все научные положения распадаются на два класса – аналитические и синтетические. Первые имеют формальную природу и сами по себе не несут информации о мире, поэтому установление их истинности возможно без обращения к непосредственному наблюдению. Вторые являются содержательными утверждениями, характеризующими действительность, и должны сопоставляться с конкретными данными. Если принять это деление, то мизесовы “априорные теоремы” следует без колебаний отнести к разряду аналитических, что, однако, не делает их ни бессмысленными, ни бесполезными.

Мизес пишет: “Априорный способ мышления является чисто умозрительным и дедуктивным. Он не может дать ничего иного, кроме тавтологий и аналитических заключений. Все его следствия логически выводятся из предпосылок и изначально заключены в них. Значит, согласно

расхожему аргументу против него, он не способен ничего добавить к нашему знанию. Все геометрические теоремы изначально заключены в аксиомах. Понятие прямоугольного треугольника уже включает в себе теорему Пифагора. Эта теорема представляет собой тавтологию, ее дедуктивное выведение завершается утверждением аналитического характера. Тем не менее никто не станет утверждать, будто геометрия вообще и теорема Пифагора в частности не обогащают наших знаний¹².

Аналогичным образом дело обстоит и в экономической науке. Например, Е. Слуцкий и Д. Хикс пришли к ординалистскому варианту теории предельной полезности путем чисто формальных преобразований с помощью аппарата кривых безразличия ее первоначальной, кардиналистской версии. Новый вариант не содержит в себе никакой новой эмпирической информации, однако воспроизводится в любом учебнике микроэкономики и считается значительным шагом вперед в развитии маржиналистской системы, поскольку по своим логическим характеристикам ординализм превосходит кардинализм¹³. Значит, аналитические положения столь же нужны экономической науке, как и синтетические.

Поставь Мизес здесь точку, согласившись с аналитическим статусом “априорных теорем”, его концепция не вызвала бы такой бури негодования со стороны эмпиристов. Путь к компромиссу с оппонентами был бы открыт: истинность априорных утверждений, аналитических по своей природе, определяется их логической непротиворечивостью; но наличие в них конкретного содержания обуславливается контактом с данными наблюдения, придающими теории синтетический характер. При такой постановке вопроса функции аналитических схем и синтетических теорий были бы четко разграничены, что позволило бы им успешно взаимодействовать. Допустим, математически разработанная Л. Вальрасом абстрактная концепция общего равновесия предоставляет “теоретический каркас” для анализа взаимосвязей секторов экономики любой страны, а проведенное В. Леонтьевым эмпирическое исследование народнохозяйственных пропорций в США по методу “затраты–выпуск” наполняет его конкретным содержанием.

Однако радикальные рационалисты идут гораздо дальше, настаивая не только на неспособности опыта опровергнуть теорию, но и на необходимости интерпретации фактов с помощью умозрительных концепций. Тем самым они декларируют истинность “априорных теорем” как в формальном, так и в содержательном смысле. Этот шокирующий любого эмпириста тезис рационалисты обосновывают тем, что истинность и содержательность их построений гарантированы логикой выведения из ряда лежащих в фундаменте экономической науки постулатов, сомневаться в которых нет оснований. Такое объяснение имело бы смысл, если бы априористам удалось показать, как предшествующие опыту утверждения могут соответствовать конкретным фактам. Но где гарантия истинности априорных постулатов? Ведь в свете аналитико-синтетической дихотомии сама мысль о существовании априорных и одновременно эмпирически значимых положений – полней-

---

¹² Von Mises L. Human Action, p. 38.

¹³ См. Пезенти А. Очерки политической экономики капитализма. М., 1976, т. II, с. 399–408.

шая бессмыслица. Всякое утверждение либо априорно и в таком случае носит аналитический характер, а, значит, не содержит информации о мире, либо имеет синтетическую природу и несет эмпирическую нагрузку, но тогда оно никак не может предшествовать опыту.

Механизм установления истинности априорных постулатов, лежащих в основе экономической науки. Осознавая кардинальное значение этого вопроса, Мизес попытался дать на него ответ в духе учения Канта.

Кант проводит различие между чисто эмпирическими и научно-теоретическими обобщениями. С помощью первых можно получить лишь такие утверждения, над которыми постоянно висит “дамоклов меч” опровержения будущим опытом. Высказывание типа “все лебеди белые” сохраняет верность только до попадания в поле зрения лебедя другого цвета. Обобщения второго рода позволяют включить в тезис как прошлый, так и будущий (по терминологии Канта, “всякий возможный”) опыт. Например, мы можем быть совершенно уверены, что, какие бы факты не открылись нам в будущем, они не опровергнут утверждения “все тела протяженны”.

Такого рода положения истинны а priori, причем не только в формальном, но и в содержательном смысле. С одной стороны, они устанавливаются вне контакта с непосредственным наблюдателем. Уверенность в неопровержимости тезиса о протяженности всех тел основана вовсе не на том, что протяженных тел “не может быть, потому что этого не может быть никогда”, а на том, что непротяженные предметы заведомо недоступны для человеческого восприятия. Даже если некие непротяженные предметы и есть где-то во Вселенной, они все равно будут нами либо восприняты как протяженные, либо вообще никак не будут восприняты. Таково уж свойство человеческого сознания, что вещи для него существуют исключительно в форме пространства.

С другой стороны, априорные истины несут в себе содержательную информацию о мире, так как включают “всякий возможный опыт”. В плане формы суждения “все лебеди белые” и “все тела протяженны” совершенно идентичны. Разница в заключенном в них содержании. Следовательно, последний тезис носит не просто априорный, а априорно-синтетический характер¹⁴.

На эти доводы Канта и опирается Мизес при обосновании эмпирической содержательности априорных постулатов экономической науки. Он пишет: “Если мы определяем понятие или утверждение как априорное, то имеем в виду следующее: во-первых, отрицание его содержания немисливо для человеческого разума и воспринимается им как нонсенс; во-вторых, в процессе мышления априорное понятие или утверждение с необходимостью приложимо ко всем рассматриваемым проблемам...”¹⁵. Иначе говоря, априорные постулаты должны формулироваться таким образом, чтобы любая попытка опровергнуть их содержала логическое противоречие и вела к абсурдным заключениям. Тогда на них можно смело полагаться и с помощью выведенных из них “теорем” интерпретировать все события, происходящие в реальной жизни.

Среди априорных постулатов, истинность которых доподлинно установлена, Мизес и его последователи, принадлежащие к “неоавстрийской” школе, особо выделяют тезис о рациональности поведения. После маржиналистской революции он прочно укоренился в науке, но с его методологическим обоснованием у экономистов постоянно возникали проблемы. Мизес видит, что сужение сферы влияния принципа рациональности грозит разрушить всю систему маржинализма и

¹⁴ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984, с. 63–64.

¹⁵ Von Mises, L. Human Action, p. 18.

предлагает совершенно иной способ его обоснования. Вместо ограничения и уточнения допущений о рациональности (типа введения Г. Саймоном понятия “ограниченной рациональности”) Мизес, наоборот, стремится сформулировать его максимально широко, дабы заведомо исключить конфликт с опытом. По Мизесу, рациональным признается всякое целенаправленное поведение: “Независимо от того, в какой степени индивид сосредоточен на накоплении богатства, он всегда стремится использовать все имеющиеся средства таким образом, чтобы добиться целей, достижение которых удовлетворит его наилучшим образом”¹⁶.

В такой трактовке принцип рациональности носит абсолютно необходимый характер. Он сохраняет силу и в условиях неопределенности, под него подпадают и действия альтруиста, покупающего товар для передачи благотворительному фонду, ему соответствует и поведение одержимого ненавистью мстителя. “Конечно, – отмечает Мизес, – совершая те или иные поступки, люди преследуют множество разнообразных и постоянно меняющихся целей. Однако всякое действие неизменно направляется одним мотивом – стремлением достичь ситуации, которая устраивает агента больше, чем исходная, существовавшая до его действий”¹⁷.

Но даже если представить некоего индивидуума, который не желает максимизировать собственную, только ему известную функцию полезности и действует нецеленаправленно, это все равно не опровергает постулата рациональности. Подобно тому как непротяженные предметы не воспринимаются человеческим сознанием, нецеленаправленное поведение не поддается разумному осмыслению и выходит за рамки науки.

Итак, по сравнению с эмпиризмом рационалистская методология выглядит вполне конкурентоспособной. Львиная доля эмпирической критики в ее адрес сводится к воспроизведению ряда расхожих утверждений позитивистской философии, которые на поверку вовсе не очевидны.

Главная претензия к рационализму со стороны эмпиризма состоит в том, что он отказывается проверять теорию фактами, обрекая тем самым науку на вырождение в бессодержательную спекуляцию, никак не связанную с реальной жизнью. Но априористы приводят простой контрдовод: коль скоро надежных методов подтверждения или хотя бы опровержения теории создать так и не удалось, то предотвратить отрыв от действительности эмпирическая проверка не в силах. А раз так, то единственной гарантией достоверности теории остается логика ее выведения из бесспорных постулатов, сходных с теми, из которых вытекают математические теоремы, но наделенных при этом конкретным содержанием. На утверждение эмпиристов, что априорно истинных в содержательном смысле постулатов не бывает (оно базируется на аналитико-синтетической дихотомии), Мизес отвечает, попросту отвергая деление научных положений на аналитические и синтетические как неправильную постановку вопроса. Вслед за Кантом он признает существование априорно истинных в содержательном отношении положений. Ведь из

---

¹⁶ Фон Мизес Л. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки, с. 207.

¹⁷ Там же, с. 208.

опыта мы знаем то, что он дает нам знание, однако ни из какого опыта не следует, что *только* он дает знания. Поэтому сама аналитико-синтетическая дихотомия изначально “теоретически нагружена” тезисом об опыте как единственном источнике знания. Но рационалисты не желают вести дебаты с эмпиристами в эмпиристских терминах, и дискуссия на философско-методологическом уровне теряет всякий смысл.

В результате у эмпиристов остается единственный шанс опровергнуть априоризм – показать его неработоспособность, то есть продемонстрировать на конкретных примерах из истории экономической мысли, что в реальной исследовательской практике ученые придерживаются эмпиристской, а не рационалистской методологии.

Рационализм: практика

Наиболее очевидным опровержением рационализма и ярким доводом в пользу работоспособности собственной методологической концепции эмпиристы считают “кейнсианскую революцию”, несомненно, ставшую центральным событием истории экономической мысли XX в. Их версия произошедшего выглядит приблизительно следующим образом¹⁸.

Со времен классической школы в науке соперничали два подхода к проблеме реализации продукции – Сэя-Рикардо и Мальтуса. Согласно первому из них, гибкость цен гарантирует сбыт всей произведенной продукции; в соответствии со вторым над капитализмом постоянно висит угроза кризисов перепроизводства, обусловленная ограниченностью спроса со стороны основной части населения, чья заработная плата устанавливается на уровне прожиточного минимума. Разрешить спор в стиле Мизеса чисто логическими средствами не представлялось возможным: обе точки зрения были достаточно хорошо обоснованы. Однако концепция Сэя-Рикардо лучше соответствовала наблюдаемым данным (капиталистическая экономика еще не испытывала глобальных потрясений), поэтому она одержала победу. Говоря словами Кейнса, “Рикардо покорил Англию столь же полно, как святая инквизиция покорила Испанию. Не только его теория была принята Сити, государственными деятелями и академическим миром, но даже сам спор прекратился. Альтернативная точка зрения совершенно исчезла, ее просто перестали обсуждать. Великая загадка эффективного спроса, за решение которой столь рьяно взялся было Мальтус, улетучилась из экономической литературы”¹⁹.

И вдруг как гром среди ясного неба разразилась Великая депрессия. Невооруженным глазом стало видно, что закон Сэя не действует. Экономистам пришлось отказаться от общепринятого взгляда и вернуться к идее недостаточного спроса, слабо подтверждавшейся до сих пор, но получившей мощную поддержку со стороны фактов в новых условиях. Отталкиваясь от нее, Кейнс разработал теорию, объясняющую драматические события 1929–1933 гг., которые никак не вписывались в старые классические и неоклассические доктрины.

История “кейнсианской революции” действительно хорошо иллюстрирует значение социального контекста развития науки, под влиянием которого ученые переключаются с одних проблем на другие. Однако о том, что рождение и смерть теорий всецело зависят от фактов, она на самом деле не говорит ничего.

¹⁸ См. Stanfield R. Kuhnian Scientific Revolution and the Keynesian Revolution. – Journal of Economic Issues, March 1974, vol. VIII, No 1, p. 97–109.

¹⁹ Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993, с. 246.

Во-первых, как известно, “кейнсианская революция” завершилась формированием “неоклассического синтеза”, который восстановил в правах, хотя и с оговорками, тезис о саморегулируемости капитализма. При чем главным препятствием на пути к равновесию с полной занятостью была признана негибкость заработной платы, то есть ответственность за безработицу, как и в докейнсианские времена, возлагалась на самих рабочих, не желающих продавать труд по рыночной цене²⁰. Следовательно, даже суровому опыту Великой депрессии оказалось не по силам разрушить чисто спекулятивное построение, каковым является закон Сэя.

Во-вторых, концепция метода самого Кейнса была крайне противоречивой и, если уж рассматривать ее в рамках дилеммы “эмпиризм-рационализм”, то следует совершенно определенно признать, что в методологическом отношении точка зрения Кейнса была гораздо ближе ко второму, чем к первому.

В этом отношении чрезвычайно показателен способ, при помощи которого Кейнс обосновывает “основной психологический закон”, имеющий кардинальное значение для всех его последующих рассуждений. Закон гласит: “Люди склонны, как правило, увеличивать свое потребление с ростом дохода, но не в той же мере, в какой растет доход”²¹. Отсюда следует, что с ростом богатства общества все большая часть дохода идет на накопление, все сильнее спрос отстает от предложения, все острее становится проблема реализации, а значит, и занятости. Центральный тезис “Общей теории” – тенденция капитализма к стагнации – напрямую обусловлен “основным психологическим законом”. Как же выведен сам закон? С помощью эмпирического обобщения конкретных данных за длительный период? Совсем нет. В его существовании, утверждает Кейнс, мы можем быть вполне уверены не только из априорных соображений, но и на основании детального изучения прошлого опыта²², однако он не подкрепляет свои слова ни единой цифрой. Между тем после войны экономисты потратили массу сил, чтобы подтвердить или опровергнуть “закон”, но не пришли к определенному результату²³. Выходит, Кейнс был настолько убежден в правильности “основного психологического закона”, что придавал ему статус “очевидно правильного постулата”, который достаточно просто сформулировать, чтобы признать истинным. Следовательно, новая теория вынужденной безработицы обязана своим появлением старой методологии априоризма.

В-третьих, эмпирическая проверка концепции Кейнса не имела отношения к процессу принятия ее научным сообществом или по крайней мере не играла в нем решающей роли. Историки экономической мысли часто забывают, что эконометрические тесты различных положений “Общей теории” начали проводиться уже *после того*, как они вошли в учебники. Ведь “кейнсианские воззрения не были сформулированы в виде статистических выкладок вплоть до начала 50-х годов, когда подавляющее большинство экономистов молодого поколения уже считало их правильными. К началу 60-х годов модели ловушки ликвидности и акселератора, несмотря на неудачи в их статистическом подтверждении, преподносились экономистам-первокурсникам как общее место в науке”²⁴.

---

²⁰ См. Харрис Л. Денежная теория. М., 1990, с. 304–311.

²¹ Кейнс Дж. М. Избранные произведения, с. 298.

²² Там же.

²³ См. Пезенти А. Очерки политической экономии капитализма, т. II, с. 713–719.

²⁴ MacCloskey D. The Rhetoric of Economics. – Journal of Economic Literature, 1983, vol. XXI, No 1, p. 483.

В результате оказывается, что даже такое яркое событие, как “кейнсианская революция”, вряд ли стоит серьезно воспринимать в качестве подтверждения эффективности эмпирической методологии.

В отличие от своих оппонентов рационалисты не испытывают затруднений с примерами, подтверждающими, как им представляется, плодотворность априоризма. Наиболее важным научным переворотом, осуществленным чисто спекулятивным образом без какого бы то ни было обращения к новым эмпирическим данным, они считают “маржиналистскую революцию” 70-х годов XIX в., от которой чаще всего ведется отчет современной экономической мысли.

Как известно, еще при жизни Рикардо развитие экономической науки было приостановлено аномалиями, обнаруженными в его теоретической системе. Во-первых, было неясно, как совместить факт эксплуатации рабочего капиталистом, предполагающей неэквивалентность обмена между ними, с трудовой теорией стоимости, обязательным условием которой является эквивалентность; во-вторых, оставалось непонятным, как совместить факт равной прибыли на равновеликие капиталы, имеющие разное органическое строение, с тезисом о труде как единственном источнике стоимости²⁵. Противоречия Рикардо имели чисто теоретическое происхождение; они выявились в результате более последовательного по сравнению со Смитом анализа политэкономических проблем на основе единого принципа – трудовой теории стоимости; следовательно, и разрешать их надо было исключительно теоретическими средствами. Некоторое время эпигоны Рикардо пытались обойти выявленные им противоречия, но их усилия лишь разрушали былую стройность системы. Классическая школа оказалась в тупике. Ее кризис был вялотекущим вплоть до 70-х годов XIX в., пока маржиналисты не указали наконец путь выхода из него.

Не пытаясь отрицать теоретический характер экономической науки в духе исторической школы и не став, подобно Марксу, биться над головоломками Рикардо, маржиналисты сделали шаг назад от трудовой теории стоимости к теории полезности. Едва ли не в античные времена подобные теории, или их прообразы, вступили в соревнование за лучшее объяснение первоосновы цены. В классический период трудовая теория одержала верх, так как оппоненты ничего не могли поделать с известным “парадоксом бриллиантов и воды”: если в основе цены лежит полезность, то почему менее полезные бриллианты ценятся выше более полезной воды? Теперь же, когда классическая школа сама столкнулась с вопросами, на которые не было ответов, разрешение указанного парадокса не просто обеспечивало бы конкурентоспособность теории полезности, но и предоставляло бы новую основу для анализа ценообразования, снимая тем самым вопросы, поставленные Рикардо.

Именно это и удалось осуществить родоначальникам маржинализма – К. Менгеру в Австрии, У.С. Джевонсу в Англии и Л. Вальрасу в Швейцарии. Практически одновременно и совершенно независимо друг от друга они выдвинули теорию предельной полезности, которая, поставив ценность блага в зависимость как от полезности, так и от редкости, разрешила “парадокс бриллиантов и воды”. Тем самым был открыт путь из затянувшегося кризиса. С течением времени маржиналистский анализ охватывал все более и более широкий круг проблем и в итоге привел к созданию теоретической системы, представляющей собой стержень современной экономической науки.

Весь ход “маржиналистской революции”, как подчеркивают рационалисты, убедительно показывает, что теория предельной полезности добилась своего нынешнего положения в науке в процессе жесткого отбора идей, но на основе логики, а никак не наблюдения.

²⁵ Аникин А. Юность науки: жизнь и идеи мыслителей–экономистов до Маркса. М., 1979, с. 222–226.

Более того, факт ее одновременного и независимого зарождения в трех разных странах с очень несхожей культурой, политической обстановкой, философскими традициями наводит на мысль о существовании внутренней логики развития науки, независимой от превратностей наблюдения и совпадающей с законами человеческого мышления, а значит, как и предполагал Мизес, в принципе доступной для познания средствами чистого разума.

Перечень примеров, демонстрирующих умозрительный характер и спекулятивное происхождение экономических теорий, легко продолжить. Причем их нетрудно почерпнуть из работ не только ранних маржиналистов или неоавстрийцев, открыто декларирующих априоризм, но и из реальной исследовательской практики его противников, таких, как скажем, М. Фридмен²⁶.

В итоге складывается довольно странная ситуация. Эмпиристы утверждают, что судьба любой идеи должна решаться на основе фактов. Конкретные факты истории науки значительно убедительнее демонстрируют спекулятивное, чем фактологическое, происхождение наиболее значимых теорий. Не решаясь этого отрицать, эмпиристы все же никак не соглашаются с рационалистской концепцией метода. Почему? Ведь, казалось бы, признание правоты Мизеса означало бы просто “легализацию” существующей исследовательской практики.

Дело в том, что легкость, с которой рационалисты готовы предоставить любое количество примеров в пользу умозрительного характера экономических теорий, говорит, как это ни парадоксально, не “за”, а “против” их концепции метода. С точки зрения рационалистов, неоспоримое преимущество их доктрины перед эмпиризмом зиждется на том, что в противоположность опытным данным, неизбежно допускающим неоднозначную интерпретацию, разум с его логической структурой и априорными категориями способен четко указывать на истинные постулаты науки. Иначе говоря, фундаментальный принцип (или набор постулатов) может быть *только один*. Если же их оказывается два, три и более, то какой-то из них явно ошибочен. Чем больше априорных теорий направлено на объяснение одного и того же явления, тем явственнее несостоятельность рационалистской методологии. Следовательно, невозможность опровергнуть априорный постулат вопреки заявлениям Мизеса – еще не гарантия его истинности.

Это не особенно бросалось в глаза, пока в послевоенной экономической науке открыто исповедовать априоризм не решался никто, кроме неоавстрийской школы, однако стало совершенно очевидно после того, как ее методологию взяли на вооружение представители других направлений, окончательно разочаровавшиеся в эмпиризме. Вновь обретенные методологические союзники оказали неоавстрийцам “медвежью услугу”, наглядно показав, что радикальный рационализм может продуцировать самые разные, в том числе взаимоисключающие, а значит, и ложные теории.

---

²⁶ Подробнее см.: Отмахов П. Концепция метода Милтона Фридмена. – Вестник Московского Университета. Серия 6 “Экономика”, 1992, № 4, с. 12–21.

Одним из подтверждений тому служит работа М. Холлиса и Э. Нелла²⁷. С их точки зрения, несостоятельность неоклассики обусловлена ее союзом с эмпиризмом в форме позитивизма, альтернативу которому авторы, как и Мизес, видят в радикальном рационализме. Однако в отличие от него Холлис и Нелл противопоставляют неоклассицизму не австрийскую ветвь маржинализма, а “классико-марксистскую теорию”, под которой имеют в виду основанное на концепции П. Сраффы неорикардянство, претендующее на разрешение проблем ортодоксального марксизма.

Методологическая позиция Холлиса и Нелла практически неотличима от неоавстрийской точки зрения: они также отвергают аналитико-синтетическую дихотомию, признают эмпирическую содержательность априорного знания, трактуют экономическую науку как систему логических категорий, не подлежащих опровержению фактами, и т.д. Но если для Мизеса “конечным основанием экономической науки служит прежде всего аксиома рациональности поведения, то для Холлиса и Нелла столь же очевидно и бесспорно, что все экономические категории должны выводиться из постулата “способности экономической системы к воспроизводству”²⁸. И неудивительно, что на его основе неорикардянцы строят совершенно иную теоретическую конструкцию, нежели неоавстрийцы.

При этом Холлис и Нелл, с одной стороны, и Мизес с неоавстрийцами – с другой, в равной мере убеждены, что и истина бывает только одна и правда, разумеется, на их стороне. Но о том, кто же прав на самом деле, их общая концепция радикального рационализма умалчивает. Действительно, трудно не согласиться с выводом Мизеса, что никакая хозяйственная деятельность невозможна без целенаправленного поведения человека, и столь же бессмысленно оспаривать тезис Холлиса и Нелла о том, что не способных к воспроизводству систем не существует; однако и примирить заключение неоавстрийцев об эффективности и справедливости капитализма с тезисом неорикардянцев о его неэффективности и несправедливости, оба из которых выведены в одинаковой степени логично, тоже нет никакой возможности.

Перед рационалистами встала проблема, решить которую они оказались не готовы. Они долго и не без успеха боролись с единственным методологическим противником в лице эмпиризма, критика которого базировалась на убежденности в способности разума однозначно указывать на истинные постулаты науки. Теперь же, имея по крайней мере две (а в будущем, видимо, и больше) детально разработанные по всем канонам радикального рационализма, но взаимоисключающие теоретические системы, априористы вынуждены обратиться к созданию механизма выбора между конкурирующими априорными концепциями.

Эмпиристам уже пришлось побывать в схожей ситуации. Когда все надежды на возможность перехода от отдельных фактов к истинным теоретическим положениям рухнули, они нашли временный выход в определении истинности теории в целом по ее предсказательной силе²⁹. Похожим путем вынуждены пойти и рационалисты. Видя, что на место “конечных оснований экономической науки” могут с равным правом претендовать одинаковые по убедительности, но разные по содержанию постулаты, из которых впоследствии вырастают взаимоисключающие концепции, они также предлагают оценивать теоретические системы в целом, но не по предсказательной силе, а по логи-

²⁷ Hollis M, Nell E. *Rational Economic Man: a Philosophical Critique of Neo-Classical Economics*. Cambridge, 1975.

²⁸ *Ibid.*, p. 243.

²⁹ Отмахов П. Эмпиризм в экономической науке: теория и практика. – Вопросы экономики, 1998, № 4, с. 58–72.

ческой убедительности. В случае столкновения двух априорных теорий истинной признается та, чья логическая цепь, ведущая от постулатов к выводам, оказывается убедительнее.

Конечно, противостояние логически безупречных и явно противоречивых теорий в науке встречается нечасто. Поэтому вопрос о логическом преимуществе концепции решается с помощью ряда характеризующих ее форму и структуру параметров. К ним обычно относят простоту, элегантность, связь с хорошо подтвержденным знанием и некоторые другие³⁰.

В частности, один из подобных критериев послужил веским основанием для принятия научным сообществом гипотезы рациональных ожиданий. Когда стало ясно, что она не доступна ни для прямой, ни для косвенной проверки фактами, ее обсуждение перешло во внеэмпирическую плоскость. Здесь у новых классиков имелся сильный аргумент, согласно которому в отличие от всех моделей ожиданий их гипотеза твердо опирается на микроэкономический фундамент, то есть пользуется поддержкой со стороны общепризнанного знания. Кейнсианцы и монетаристы, как и вообще все маржиналисты, основывают свои построения на фундаментальном постулате микроэкономики об оптимальности поведения. Но когда с переходом на макроуровень речь заходит об ожиданиях, кейнсианцы обращаются к идее «денежной иллюзии», предполагающей, что человек смешивает реальные и номинальные величины, а монетаристы используют гипотезу адаптивных ожиданий, в соответствии с которой люди бездумно экстраполируют на будущее прошлый опыт, не используют своих теоретических познаний при построении прогнозов и учатся исключительно на собственных ошибках. И то, и другое, представляя собой формы нерационального поведения, противоречит постулату оптимальности. Поэтому между микро- и макроуровнями анализа одной и той же экономики образуется естественный разрыв, а кейнсианская и монетаристская модели ожиданий повисают в воздухе. В противоположность им гипотеза рациональных ожиданий исходя из того, что человек относится к информации точно так же, как к любому ограниченному ресурсу, то есть стремится использовать ее оптимально и поэтому не делает систематических ошибок, просто переносит на макроэкономический уровень основной постулат микроэкономики. В результате противоречие между двумя частями науки было преодолено и новая классическая теория получила неоспоримое преимущество перед конкурентами в плане логической связности.

Оценка теории по логической связности играет в рационализме роль, сходную с принципом фальсификации в эмпиризме. Она призвана отсеивать ложные концепции, ошибочность которых дает о себе знать через их противоречивость, если однозначно установить единственно истинный набор априорных постулатов не представляется возможным. И подобно фальсификационизму принцип логической непротиворечивости работает далеко не безупречно. В силу того же тезиса Дюэма–Куайна, говорящего о системном характере научного знания, ученый может при желании уберечь теорию не только от конфликта с опытом, но и от опровержения на внеэмпирической основе³¹.

Представление об этом дает продолжение начатой новыми классиками дискуссии. Казалось бы, четко выводимая из микроэкономического постулата оптимальности, разделяемого всеми маржиналистами, концепция рациональных ожиданий не оставит камня на камне от кейнсианства, кардинальные выводы которого покоятся на

---

³⁰ См. Callidwell B. *Beyond Positivism: Economic Methodology in Twentieth Century*. L. 1982, p. 231–235.

³¹ См. Отмахов П. *Эмпиризм в экономической науке: теория и практика*. – Вопросы экономики, 1998, № 4, с. 58–72.

допущении о негибкости цен и заработной платы. Ведь если только экономика не полностью монополизирована, что трудно представить в условиях рынка, то не снижать цену в ответ на сокращение спроса или требовать заработной платы, превышающей рыночную цену труда, при наличии безработицы, значит, вести себя абсолютно нерационально, какой бы смысл не вкладывался в это слово. Однако не успела новая классическая теория по-настоящему укрепиться в академическом мире, как незамедлительно последовал ответ со стороны кейнсианства. Так называемые “новые кейнсианцы” Д. Акерлоф, О. Бланшар, Г. Менкью, Дж. Стиглиц и др. предложили несколько способов, объясняющих совместимость обычных макроэкономических допущений кейнсианства с принципом оптимальности. Наиболее известные из них – концепции эффективной заработной платы и низких издержек меню (*small menu costs*)³².

Согласно теории эффективной заработной платы, в бедных странах даже в условиях большой безработицы понижать оплату труда невыгодно. Зарплата и так находится на уровне прожиточного минимума или близка к нему, поэтому ее сокращение ставит под вопрос физическую способность работников выполнять поставленные перед ними задачи и тем самым угрожает понижением прибыли. В развитых странах положение, разумеется, иное. Но и здесь предприятия часто предпочитают устанавливать ставки заработной платы выше уровня, выравнивающего спрос и предложение на рынке труда, дабы привлечь наиболее квалифицированных работников и стимулировать производительность труда.

В соответствии с идеей низких издержек меню при отрыве спроса от предложения наиболее привычная реакция фирмы состоит в изменении цен, но вполне возможна и другая тактика, состоящая в приспособлении предложения к спросу при неизменных ценах. Если первый путь чреват хотя бы незначительными издержками типа оплаты заказа в типографии новых ценников и работы по смене старых табличек на новые, а второй может быть осуществлен с меньшими затратами, то более выгодным оказывается приспособление к новому равновесию посредством сокращения или расширения выпуска продукции, которая реализуется по прежней цене. Поэтому жесткость цен и негибкость заработной платы оказываются вполне совместимыми с микроэкономическим постулатом оптимальности.

Стало быть, в рационализме, как и в эмпиризме, нет “решающего эксперимента” или (в данном случае) последнего логического довода, способного раз и навсегда опровергнуть теорию. Однако это далеко не самая большая трудность на пути оценки теории по ее логической связности. Есть и более сложные проблемы.

Обычно рационалисты используют термин “логика” так, как будто его смысл всем хорошо известен. Между тем – это крайне неопределенное понятие. Существуют аристотелевская логика, диалектическая логика Гегеля и Маркса, логика Рассела и Уайтхеда, интуитивистская логика, есть даже логика буддизма. Все они существенно отличаются друг от друга.

При обсуждении гипотезы рациональных ожиданий никто из участников не вышел за рамки формальной логики и стороны по крайней мере слышали аргументы друг друга. Но если в спор вступят, допустим, ортодоксальный марксист–диалектик и столь же правоверный неоклассик–позитивист, то надежд на взаимопонимание очень мало. Для воспитанного в марксистской традиции ученого переход от стоимости к цене производства – естественный процесс восхождения от абстрактного к конкретному, но для неоклассика концепции I и III томов “Капитала” находятся в вопиющем противоречии: в основе цены может лежать

³² См. Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика. М., 1997, с. 680–682.

либо стоимость, либо цена производства, но не то и другое одновременно. В то же время неоклассики не испытывают особого теоретического дискомфорта, утверждая, что цена определяется пересечением графиков спроса и предложения, а стоимость является ее “ненужным удвоением”, тогда как марксист увидит здесь отказ от анализа глубинной сущности капитализма и, скорее всего, обвинит своего собеседника в злонамеренном сокрытии природы буржуазной эксплуатации. В итоге совместный поиск истины путем обмена логическими доводами станет невозможным.

В истории экономической мысли неоднократно предпринимались попытки изложить суть теоретических разногласий на языке одной и той же логики. Например, поклонница Маркса и особенно Рикардо Дж. Робинсон хорошо знакома с диалектическим методом, однако никогда не прибегает к нему в полемике с неоклассиками. Я не хочу, говорит она, “чтобы Гегель совал свой нос между нами и Рикардо”³³. Однако и в этом случае оценка теории по ее логической связности очень затруднена, а иногда и просто невозможна.

История науки свидетельствует, что ученые, пусть даже самые великие, гораздо менее щепетильны в отношении логического совершенства своих теорий, чем обычно принято думать. В частности, И. Ньютон не мог объяснить стабильность солнечной системы и утверждал, будучи человеком глубоко верующим, что отклонения в движении планет исправляются Богом. Хотя такое объяснение не удовлетворяло никого, физики мирились с ним и небесная механика продолжала развиваться.

Вера, преклонение перед авторитетами, трансформировавшаяся в убежденность привычка, наконец, просто боязнь утратить “человеческий капитал” в виде созданных на протяжении всей академической карьеры теорий играют в реальной науке неизмеримо большую роль, чем в ее рафинированном теоретическом отображении. Поэтому ученые, как правило, мало чувствительны к логической критике и всегда находят множество способов отвести ее, вплоть до прямого игнорирования. И неудивительно, что сплошь и рядом серьезнейшие логические аргументы не наносят ущерба логически противоречивой концепции и не меняют отношения к ней со стороны ее приверженцев.

Классический пример – “спор двух Кембриджей” по поводу теории распределения, развернувшийся между посткейнсианцами и неоклассиками³⁴. Как известно, со времен Д. Б. Кларка распределение в неоклассической системе объясняется на основе теории предельной производительности. Предполагается, что в процессе производства на равных участвуют два фактора – труд и капитал, вознаграждение которых соответствует их вкладу в создание дохода. При заданных объемах факторов предельная производительность труда определяет ставку заработной платы, а предельная производительность капитала – норму процента, отождествляемую в условиях равновесия с нормой прибыли.

---

³³ Robinson J. What are the Questions? and Other Essays Further Contribution to Modern Economics. Armonk, 1981, p. 168.

³⁴ Неоклассическую теорию распределения критиковали профессора Кембриджского университета в Англии (Дж.Робинсон, П.Сраффа), тогда как наиболее известные защитники неоклассической концепции (П.Самуэльсон, Р.Солоу) работали в Массачусетском технологическом институте, расположенном в городе Кембридж, штат Массачусетс (США).

В 1928 г. теорию предельной производительности удалось подвергнуть эмпирической проверке, инструментом которой послужила известная функция Кобба-Дугласа. Статистические данные показали, что с 1893 по 1922 г. фактические доли заработной платы и прибыли (процента) в национальном доходе США были постоянными и соответствовали коэффициентам эластичности по труду ($\beta = 3/4$) и капиталу ($\alpha = 1/4$). Функция Кобба-Дугласа давала хорошие результаты и в последующем. Неоклассики воспринимали это как однозначное подтверждение своей правоты. Почти спустя пятьдесят лет П. Дуглас провел аналогичное исследование на статистическом материале Австралии и, получив результаты, сходные с анализом 1928 г., счел возможным заключить: «приблизительное совпадение полученных коэффициентов с фактическими долями усиливает конкурентную теорию распределения и опровергает марксистскую. Очевидно, бездоказательный тезис Маркса о том, что «капиталом является мертвый труд, который подобно вампиру живет высасыванием живого и живет тем больше, чем больше его поглощает», не может быть воспринят. Наоборот, капитал сам по себе является производительным, но не эксплуататорским»³⁵.

Однако, с точки зрения посткейсианцев, приблизительное совпадение долей распределения с коэффициентами эластичности, сколь часто бы оно ни повторялось, ни слова не говорит в пользу теории предельной производительности. Производственная функция просто описывает действительность, но не улавливает причинных связей. В самом деле, неоклассики заработную плату и процент (прибыль) определили предельной производительностью факторов; но предельная производительность факторов зависит от технологии производства: чем более трудоемким способом выполняется работа, тем ниже предельная производительность труда и выше предельная производительность капитала, и наоборот. Выбор технологии предприниматель осуществляет на основе принципа оптимальности, в зависимости от относительных цен факторов. А что такое цены труда и капитала? Это – заработная плата и процент. Выходит, соотношение между процентом (прибылью) и заработной платой нельзя определить, не зная технологии производства, а ее, в свою очередь, невозможно установить, пока не заданы пропорции распределения. Выходит, распределение определяется распределением, теория предельной производительности безнадежно замыкается в порочном кругу и неоклассическая интерпретация функции Кобба–Дугласа носит совершенно произвольный характер. Успешную работу функции Кобба–Дугласа можно объяснить в неоклассическом духе: заданная технология обуславливает производительность факторов и, следовательно, их вознаграждение. Но не менее логично и другое объяснение, в соответствии с которым соотношение сил на арене классовой борьбы само задает технологию (при сильных профсоюзах выгоднее использовать капиталоемкие методы производства) а, значит, и предельные продукты факторов.

Неоклассики могли бы разорвать порочный круг и показать, что именно производительность факторов определяет вознаграждение, а не наоборот, если бы решили проблему измерения капитала. Тогда бы он действительно стал самостоятельным фактором производства, не зависимым от категорий распределения, а определяющим их. Но, как показала Дж. Робинсон, сделать этого нельзя. Достаточно открыть любой учебник по микроэкономике, чтобы убедиться в том, что ничего не изменилось: «Студента–экономиста учат формуле $Q = f(L, C)$, где L – количество труда, C – количество капитала. Ему советуют предположить, что все рабочие одинаковы, и измерять L в человеко-часах труда; ему что-то рассказывают о проблеме индексов, связанной с выбором единицы объема производства, а затем торопят перейти к другому вопросу в надежде, что он забудет спросить, в каких единицах измеряется C . И прежде чем он все-таки спросит, он уже станет профессором...»³⁶. Практически все неоклассики признали разумность ее аргументов и за неимением контрдоводов сочли за благо просто проигнорировать их.

³⁵ Цит. по: Калашников А.П. Современный маржинализм (критика теории и практики). Киев, 1982, с. 64.

Упорное нежелание реагировать на рациональную аргументацию, справедливость которой не отрицается, трудно объяснить чем-либо иным, кроме веры, что в итоге и признали некоторые участники дискуссии со стороны неоклассиков³⁷. Против веры логика бессильна и, видимо, прав Макс Планк, с грустью говоривший, что “новая научная истина прокладывает себе дорогу к триумфу не посредством убеждения оппонентов..., но скорее потому что ее оппоненты рано или поздно умирают...”³⁸.

* *
*

Не исключено, что умудренный знакомством с подобного рода материалами читатель уже ждет традиционного вывода, которым обычно завершаются методологические статьи, например: опыт и разум в одинаковой степени являются источниками знания, попытки эмпиризма или рационализма абсолютизировать какой-либо из методов заведомо обречены на провал, поэтому в задачу научной методологии входит нахождение путей плодотворного сочетания (диалектического взаимодействия) опытных исследований и теоретического анализа.

Такое заключение, наверно, было бы уместно, если бы имелись хотя бы основные наметки алгоритма реализации на практике данного пожелания. Но пока мы имеем лишь негативный опыт эклектических союзов между рационализмом и эмпиризмом. Бесперспективность поисков компромисса между эмпиризмом и рационализмом обусловлена тем, что между обеими доктринами (по крайней мере в тех формах, в которых они представлены сегодня) существует больше сходства, чем различия. И дело даже не в том, что ни одна из них не знает, как установить истинные исходные положения теории или проверить концепцию либо опытным путем, либо на основе внеэмпирических критериев, а в том, что, и эмпиристы, и рационалисты отрицают принцип субъективности знания. Крупнейший физик Г. Герц писал: “Невозможно избавиться от ощущения, что эти математические формулы существуют независимо от нас и обладают собственным разумом, что они мудрее нас, мудрее тех, кто их открыл...”³⁹. То же самое думают об экономических теориях эмпиристы и рационалисты, исключая тем самым субъект из теории познания.

Но науки без активно действующего в определенном социально-культурном контексте субъекта на самом деле не бывает. Ученый не только открывает знание, но и сам создает его. Может быть, имея это в виду, удастся преодолеть ложную дилемму: “эмпиризм–рационализм” и перейти к методологическим исследованиям, в которых большую роль станут играть психология, культура, сравнительный анализ идеалов научности, исторической трансформации понятия рациональности.

---

³⁶ Цит. по: Backhouse R. A History of Modern Economic Analysis. Oxford, 1985, p. 325.

³⁷ Ferguson C. E. The Neo Classical Theory of Production and Distribution. Cambridge, 1969; см. также: Dow S. Methodological Morality in the Cambridge Controversies. – Journal of Post-Keynesian Economics, 1980, vol. II, No 3, p. 368–379.

³⁸ Цит. по: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975, с.151–192.

³⁹ Цит. по: Папин А. В. Диалектический материализм и постпозитивизм (практический анализ некоторых современных буржуазных концепций науки). М., 1981, с. 111.